

Мунку-Сардык

Очерк и фото Б. Берновича

С середины прошлого столетия несколько исследовательских групп побывало на южных, более пологих склонах Мунку-Сардык. В конце девятидесятых годов этим районом заинтересовался студент Томского технологического института С. Перетолчин. Исключительно настойчиво и последовательно он изучал этот горный район, его определение, замерял высоты и температуры, составил схематическую карту и издал несколько статей и брошюру — «Ледники Мунку-Сардык».

Свой посещения этого района он закончил в 1906 г., и с тех пор никто не бывал на северных склонах.

В 1935 г. группа туристов иркутского завода им. Сталина поднималась с юго-востока на вершину Мунку-Сардык, однако из пяти человек вершины достигли только двое.

Мы поставили перед собой задачу сделать восхождение с севера на высшую точку Мунку-Сардык. Нас было трое, все мы работники завода им. Сталина (Иркутск).

Организовать восхождение оказалось очень трудно. В течение месяца доставали все необходимое снаряжение. Иркутские ТЭУ оказали коммерческой лавочкой, которая занималась ресторанами, а не туризмом.

Из книги Перетолчина мы скопировали карту и окончательно наметили маршрут.

От Иркутска до Култука надо ехать на поезде. Уже через 4 часа мы были у юго-западного берега Байкала. Из Култука мы двинулись на автомобиле к сел. Монды.

Типичный горный пейзаж. Дорога идет лесами и болотами, то поднимаясь зигзагами и перевалам, то спускаясь к самому берегу Иркут. Справа и слева наступают горы, они окутаны низкими грозовыми тучами, и их склоны едва различаются сквозь густую сетку дождя. Мрачные туинские белки произвели на нас неприятное впечатление.

Поздно вечером доехали до сел. Монды (208 км от Култука).

С лошадьми здесь «кризис»: все свободные лошади колхоза были заняты геологами и находились в экспедициях.

Однажды мы заметили, что за нами наблюдает какой-то верховой бурят.

— Куда идете? — спросил бурят, не слезая с лошади.

— На Мунку-Сардык.

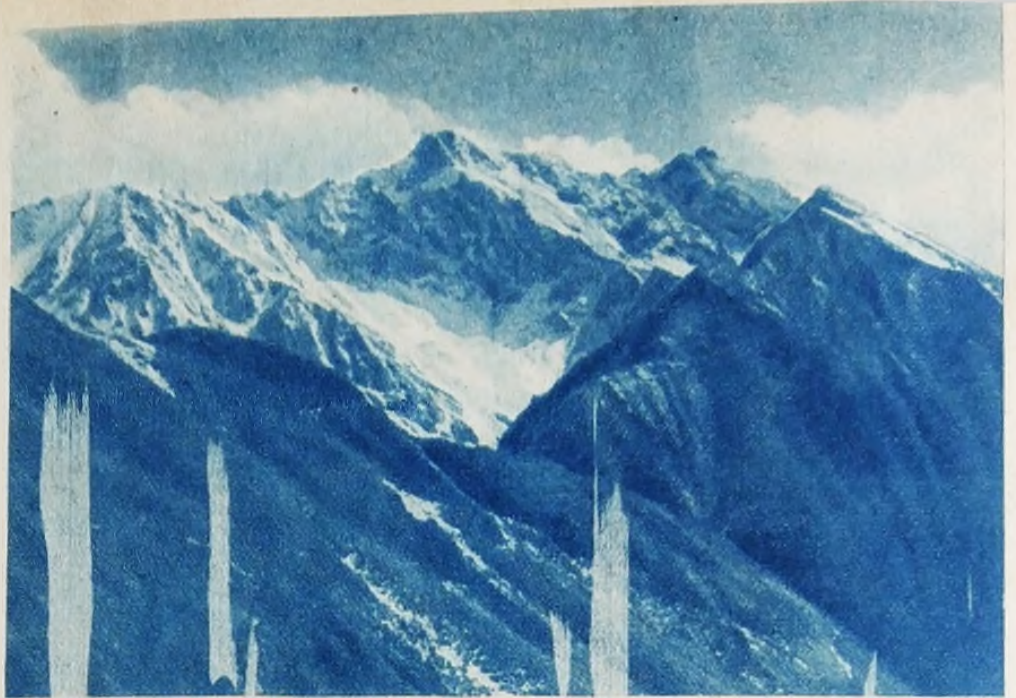
— Ой, трудно... Никто туда не ходит...

Разговор прекратился. Вдруг бурят спросил:

— Лошади нужны?

— Конечно, нужны! — сказали мы почти хором.

Оказалось, что это проводник Ошаров. Высокий, худощавый, с черными обвисшими усами, со спокойным, почти неподвижным лицом. Он сидит на лошади без всякого напряжения.

Вид на хребет Мунку-Сардык

Длинная серая шинель, много видевшая на своем веку, и старый военный картуз с изломанным козырьком придавали ему полувоенный вид. Эта форма, видимо, очень нравилась буряту. В походке, в выправке и в одежде он хотел походить на военных, — они для него были образцом.

Показали ему карту нашего маршрута.

— Доведу вас до Пранькиного ключа, — сказал Ошаров. — А дальше пойдете пешком.

На следующее утро наша кавалькада двинулась вверх по Иркуту. Проехали несколько летних поселков бурят и углубились в совершенно безлюдные места. Несколько рек переезжали вброд. Большая вода доставила нам много хлопот.

Первые пять часов ехали по хорошей вьючной дороге. Не доезжая километра до устья Белого Иркута, Ошаров неожиданно хлестнул лошадей и повернул прямо вверх по крутому травянистому склону. Его лошадь легко шла вверх, но нам пришлось слезть и вести своих лошадей под уздцы. Мрачный лес окружал нас. Лесные пожары оставили только обуглившиеся стволы. Под копытами лошадей хлопала грязь. В лесу было болото. Даже на крутых склонах лошади часто погружались по колено. Эти горные болота особенно опасны на южных склонах Мунку-Сардык, где, по описанию географов, попадают и трисны.

Тропка идет по склону высокого холма, пересекает болото и теряется в тране. Справа Белый Иркут, слева Хайрлак, а впереди Пранькин ключ.

Делаем привал. Через несколько минут запылал огонь. Мы начали сушиться и готовить ужин.

Хмурый туман наполнил лес, начинало темнеть.

Ошаров поел, собрал вещи и пошел вниз. Лошадей он связал пугом — хвост передней к уздечке задней — и так повел их. Вскоре Ошаров и лошади скрылись среди деревьев. В лесу остались мы трое: Борис Добробоба, Толя Цветков и я. Борис шел в горы первой раз. Толя уже бывал в горах и имел значок «Альпинист СССР» I ступени.

Утром мы не узнали леса. Валил мокрый снег. Все деревня приняла сказочный вид. Холодный сырой туман клубился между стволами. Сильные мешки промокли.

К двенадцати часам туман начал рассеиваться, и вскоре мы выступили в разледку. Пришлось пересечь несколько небольших хребтов прежде, чем мы поднялись

до высоты 2800 м и смогли ориентироваться. Перед нами открылась изумительная панорама. Десятки снежных и скалистых вершин окружали нас. Снежные поля сверкали на солнце, вершины манили к себе. Ни на одну из них еще не ступала нога человека. Забыв о нашем скудном снаряжении, мы строили смелые планы traversa всего гребня. Намечали маршрут, выбирали пути подъема и подсчитывали время. Все казалось доступным. Только на обратном пути, повернувшись спиной к хребту, мы уже более критически отнеслись к новому плану. Рисковать мы не имели права, и пришлось нам отказаться от заманчивого traversa. Вернулись обратно к бивуаку.

На штурм Мунку-Сардык мы вышли 27 июня рано утром, нагрузив на себя рюкзаки с трехдневным запасом продуктов.

Первые десять минут поднимались среди леса к гребню и вышли на него. Далеко под нами виднелся Пранькин ключ и Белый Иркут. Начали спуск по крутому склону, поросшему лесом, затем вышли на осыпь и по ней быстро съехали вниз. Последние 50—80 м спустились по ложу ручья. Вышли к Пранькиному ключу почти у его впадения в Белый Иркут, а затем стали подниматься вверх по его левому берегу. Местами шли по еще не растаявшему льду, местами карабкались по крутым травянистым склонам и по осыпям.

Почти все реки, которые нам приходилось видеть, на большом протяжении покрыты толстым 2-3-метровым слоем льда и образуют систему ледников и ледопавов. Лед тает только к концу августа, а в сентябре появляется новый. Эти «ледники» сильно облегчают передвижение и упрощают переправы.

У поворота Белого Иркута на запад я него впадает крутым и узким ледопавом речка Мунку-Сардык. Пройти по нему трудно, только последние 300-400 м Мунку-Сардык течет спокойно. Белый Иркут пересекли по льду у самого места слияния и пошли по речке Мунку-Сардык. Не доходя до начала ледопавов, мы свернули вправо. На месте перехода через Белый Иркут и в месте выхода на берег мы сложили туры. Крутой 200-метровый подъем среди кустарника и по осыпям привел нас в редкий лес. Держась берега Мунку-Сардык, мы продвигались дальше, обходя топкие места и пересекая десятки ручьев.

К 12 часам мы подошли к границе леса и, утопая по щиколотку во мху, пошли дальше. Начался типичный высокогорный пейзаж: морены, мрачные скалы и сверкающие

На главной вершине Мунку-Сардык

вечные снега. Еще через 3-4 часа поднялись по морене на замыкающую долину стену, и перед нами выросла вершина Мунку-Сардык. У языка ледника лежало небольшое почти круглое озеро, покрытое льдом. На берегу этого озера остановились на ночлег. До ночовки решили выйти на разведку. Сначала поднимались спокойно, потом, когда место стало походить на описание Перетолчина, наши движения ускорились, мы быстро скакали с камня на камень и напряженно всматривались во всякое случайное нагромождение камней. От подъема и ожидания сердце билось вдвое быстрее. Мы шли, как кладовщики у заветного места, и вдруг все одновременно увидели груды камней, сложенную человеческой рукой. Пройти мимо, не заметив груды, было невозможно. Сняли верхние камни и увидели длинный металлический цилиндр, должно быть термометра. Открыли дверцу футляра, и термометр впервые более чем за 30 лет увидел свет.

Это был мимималный термометр. Пылунок показывал $-44,5^{\circ}$. Это была самая низкая температура за 30 лет на Мунку-Сардык. Наклопили футляр, и пылунок пошел к нулю. На дне футляра лежала прожавленная мокрая записка. Высушили и прочли: «Восточносибирское отделение императорского русского географического общества. Термометр-минимум поставлен близ ледника северного склона вершины Мунку-Сардык 19 июля 1900 г. Поставлен термометр членом отделения С. Перетолчиным».

Осмотрелись кругом, наметили дальнейший путь по леднику и вернулись к месту bivouака. Дул резкий ветер, и мы начали опасаться за погоду.

На следующее утро вышли рано. У всех небольшое нервное напряжение, перешучиваемся, но чувствуется, что все мы думаем об одном: как пройдет восхождение? Первые сто метров идем быстро, чтобы согреться, а затем ровным альпийским шагом набираем высоту. Путь нетруден. Сразу за высотой (2800 м), до которой мы вчера доходили, начались затруднения. Ночь была теплая, снег не держал тяжести человека, и каждый шаг стоил больших усилий. Иногда удавалось пройти десяток шагов по насту, а потом сразу проваливаясь обеими ногами в снег. Толя и Борис шли тоже «бразды пушистые взрывая». Борис первый раз в горах. Он хороший физкультурник. Изредка и посматривал на него через плечо. Борис шел хорошо.

Наконец, снег стал менее глубоким, и мы начали подниматься быстрее. Но что это?

Под снегом почувствовался лед. Скоро тревога исчезла, снег снова стал глубоким. Мы уже на середине. Я оглянулся и, скрывая волнение, сказал:

— Через час будем на гребне.

Толя и Борис улыбнулись. Победа, казалось, была близка. В одном месте пришлось вырубить пару ступенек, потом как-то незаметно льды стало больше. Снег лежал на льду тонким слоем, пришлось взяться за ледоруб. Продвижение резко замедлилось. В это время подул порывистый резкий ветер, несший с собой колючие снежинки. Я шел впереди и рубил ступеньки. Мне было жарко, но Борис и Толя мерзли. Они растеряли руки, шептели пальцами ног. Видимо, это мало им помогало. Лица моих товарищей стали серьезными и злыми. Поглядывая назад, я видел, что Борис сердится, хочет что-то сказать, но потом с чувством плюет в снег и принимается размахивать правой рукой. Уже после восхождения Борис рассказывал мне, что его злила слишком медленная, по его мнению, рубка ступенек, и он тихомолку всматривался в меня.

Первое время я рубил без отдыха 10-15 ступенек. Но дальше после каждых 5-6 ступенек нужно было отдыхать. Ветер становился все сильнее. Мы переходили со ступеньки на ступеньку, когда стихали его порывы. Временами приходилось напрягать все силы, чтобы удержаться на склоне.

— Давай я буду рубить — сказал Толя.

— Я не устал, — сдержанно ответил я.

И вот снова шаг за шагом начинается упорная борьба со льдом. Вдруг ледоруб ударился о камень. Я постарался вырубить рядом другую ступеньку, но то же самое — скала. Что делать? Положение было тяжелое: снега мало, лед тонкий. Дальнейшее передвижение было невозможно. Я посмотрел на ребят. По моему виду они поняли: что-то случилось. Я хмуро сказал:

— Дальше идти нельзя... и возвращаться очень тяжело...

Ребята стояли опустив головы и, казалось, раздумывали, а может быть, просто отдыхали. Ветер свистел в ушах. Что же делать? Где же выход?

Глаза в десятый раз осматривали склон в надежде найти путь. Вдруг я заметил горизонтальную узкую трещину. С большим трудом мы добрались до нее и продвинулись по трещине на 20 м. Трещина кон-

чилась. Опять ступеньки. Толя снова сказал:

— Давай я порублю...

Руки отказывались двигаться, и я встал на второе место. До скалы осталось метров 30-40. Наконец, и они пройдены. Холодный ветер не давал отдохнуть. Руки и ноги заочечели, небольшой скалистый участок казался очень трудным. Но это было последнее препятствие, — уже виднелся гребень. Настроение у нас поднялось. Опять послышались шутки. Мы выбрали защищенное от ветра место и начали закусывать. Испанские анельсы никогда не казались такими вкусными.

— Мурсия... — читает Толя. — Далекий путь проделал этот испанский анельс!

Полчаса ходьбы по снежному гребню, и вот мы на вершине. Издали мы заметили ледоруб, торчащий из снега. Его оставила группа туристов нашего завода, поднимающаяся с юго-востока в 1935 г. Ледоруб оказался для них лишней тяжестью. У ледоруба под снегом стоит тур с запиской: «4 сентября 1935 г. взойли: 1. Пацюк Семен Васильевич. 2. Скородумов Иван Никитович (завод им. Сталина)».

На юге у подножья вершины лежало громадное озеро. Изрезанные его берега скрывались на горизонте в голубой дымке. На север на десятки и сотни километров уходили бесконечные цепи гор, плоскогорья, покрытые озерами, лугами... Неисследованная, богатая металлами земля лежала перед нами.

На вершине у нас было много дела. После крепкого рукопожатия мы принялись за работу. Я фотографировал, Борис и Толя устанавливали бюст товарища Сталина на плоском высоком камне. Они заботливо обложили бюст камнями, чтобы его не сорвало ветром. Ветер не дал долго любоваться видами с вершины. Здесь, на вершине, вспомнились нам слова Перетолчина из его книжки: «...Многие из посещавших эту гору вершину плакали от избытка чувств своих, сравнивая полную чистоту, величия и грандиозности картину с личным ничтожеством человека».

Только улыбку вызвали у нас эти высокопарные слова. Чувство победы, чувство радости вот что владели нами. Здесь, на вершине, мы особенно остро сознавали, что мы живем в прекрасной стране, где значение человека так велико и где каждый своим трудом стремится укрепить победу человека над природой.

В том месте, где лежал термометр, оставленный Перетолчиным, мы оставили записку и назначили это место контрольным пунктом для групп, совершающих восхождение с севера.

Каждая группа, желающая подтвердить свое восхождение с севера, должна принести две записки: одну с вершины и вторую из термометра, желательно записать его показания.

Вершина Мунку-Сардык вполне заслуживает быть почетной вершиной для значка «Альпинист СССР» I ступени.

Спуск был легче. Мы нашли место с более толстым слоем снега и, тщательно охраняясь, сошли вниз.

